

«АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

В ТЕАТРЕ оперы и балета имени С. М. Кирова вновь зазвучала музыка Сергея Прокофьева. Десять лет назад здесь была поставлена его опера «Семейство Котков» и «Дуэнья», в репертуаре балетной труппы «Ромео и Джульетта», «Сказ о камешном цветке», недавно возобновленная в новой сценической редакции «Золушка». И вот новый спектакль — театрализованная кантата «Александр Невский», музыка которой широко известна по одноименному кинофильму. Ее патристическая идея раскрывается в предельно конкретных музыкальных образах, контрасте зловещих тем крестоносцев и прекрасных распевающих тем русского народа и воинства. В эпическом строе кантаты, ее величественных хорах ощущается живая преемственность с русской оперной классикой, такими произведениями, как «Иван Сусанин» Глинка, «Князь Игорь» Бородин. «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова. Моментальный стиль героических спектаклей, более всего свойственный Театру имени Кирова, сохранил и в новой работе.

Музыкальный руководитель и дирижер К. Симеонов, хормейстер А. Мурина добились яркой образности в исполнении замечательной музыки Прокофьева. Выразительно прозвучали оркестровые выступления с протяжными и торжественными напевом гобоя, симфонические фрагменты, характеризующие зловещий облик врага. Глубокая национальная народность прокофьевских хором особенно впечатляет в эпически-былинной «Песне об Александре Невском», заключительном славлении. С большим подъемом был исполнен хор «Вставайте, люди русские», пропевавший спелое песню девушкам Л. Филатова в сольном номере кантаты «Мертвое поле».

Нельзя не порадоваться, что один из ведущих в стране исполнительских коллективов включил в свой репертуар превосходное сочинение классика советской музыки.

Премьера в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова

Но если концертное исполнение «Александра Невского» имеет многолетние сложившиеся традиции как в нашей стране, так и за рубежом, то его сценический вариант создается впервые. И здесь далеко не все бесспорно. Театрализованное действие, включающее элементы оперы, балета и пантомимы, созданное на основе вокально-симфонического произведения, — задача не легкая. Тем более, что его идейно-образное содержание с исчерпывающей полнотой было раскрыто таким выдающимся кинорежиссером, как С. Эйзенштейн. Да и возможности кино не сравнятся с театральной — сценной, к тому же не основной, а временной (премьера состоялась во Дворце культуры имени Ленинского).

К постановке этого необычного спектакля обратился О. Виноградов — молодой балетмейстер, ранее уже успешный интересо зарекомендовавший себя. Но с хором в качестве основного действующего лица он астрелялся впервые. А ведь большинство частей кантаты предназначено для пения и только две — для симфонического оркестра. Очевидно, они-то и привлекли в первую очередь балетмейстера. Хореографическое осмысление центральной картины — «Алевого побоища» явилось для него главной задачей.

Всем памятно, как подробно восстановлена битва на Чудском озере в кинофильме «Александр Невский»: со знаменитым ходом «свиньи», атаками русской конницы, русскими скопорохами и немецкими епископами. Виноградов избрал другой путь — максимального обобщения средств сценической выразительности. Историческое сражение представлено

им как рыцарский поединок Александра Невского и магистра театинского ордена. Их танец динамичен, изобретателен, захватывает своей напряженностью, силой сопротивления и волей к победе. Он мог бы стать самостоятельным концертным номером, если бы не досадные расхождения с музыкой, ее очень конкретный, почти прищипанной образностью. Артысты балета В. Пономарев и Ю. Мамцев хорошо проводят хореографическую сцену, но она не соответствует масштабам грандиозной битвы, запечатленной в музыке. Возражение вызывает и первая картина: соборные сплны статистов, отвернувшись от зрительного зала, вряд ли способны лучше выразить музыку Прокофьева, рисующую образ более широкий, собирательный, включающий и пейзажные зарисовки, ощущение бескрайних просторов русской земли, опустошенной абагами кочевников. Трудно согласиться и с тем, что мертвые покаявшиеся ный толпы в тант-музыке «оживляют» хоровое пение в последующих частях. Не соответствуют общему стилю прокофьевской кантаты и группы плакающих-девушек в черных покрывалах, сопровождающих пластичными движениями рук скорбные пении.

Но, пожалуй, главный недостаток представления — его обращенность в прошлое, что особенно подчеркнуто иконописностью художественного оформления С. Корман. Ведь музыка Прокофьева пронизана современным ощущением исторических событий. Хоры из кантаты звучат в годы Великой Отечественной войны наравне с любимыми массовыми песнями, а в музыкальном воплощении вражеских образов ощущалась жестокая неумолимость их потомков. Этого, к сожалению, не почувствовали авторы нового спектакля.

Л. ДАНКО

На сцене — сцена из спектакля.

Фото. П. Боярова

